Белик А.А. Размышляя о книге М.Годелье «Загадка дара».

(«Загадка дара» М.Годелье и некоторые проблемы современности).

Публикация на русском языке книги М.Годелье «Загадка дара» весьма своевременна и полезна для российских исследователей. Она представляет собой пример классического социально-антропологического анализа проблем традиционного общества в сравнении с обществом индустриальным. В ней органично соединено рассмотрение разнообразного эмпирического материала, в том числе, собранного самим автором (племя баруйя, Папуа.Новая Гвинея) с теоретическими проблемами социальной антропологии. В центре повествования М.Годелье «загадка дара», которую стремились разгадать многие его предшественники-антропологи. Выделим среди них Б.Малиновского, М.Мосса, Р.Фёрса, К.Леви-Строса. В процессе анализа М.Годелье детально сравнивает фактический материал, касающийся форм дара и обмена в традиционном обществе, на котором основывались его предшественники с более поздними данными, а также с результатами своих полевых исследований. В то же время он подвергает жесткой, но корректной критике их теоретико-методологические подходы к познанию процессов обмена в обществе вообще и традиционном обществе в частности и интерпретации как конкретных форм дарообмена (кула, потлач), так и значения этих процессов в функционировании культур, в структуре общества в целом. В соответствии с таким подходом М.Годелье подвергает критике воззрения М.Мосса и К.Леви-Строса на сущность и место дара и обмена в обществе и предлагает своё видение этих проблем и соответственно решение загадки дара. При этом он демонстрирует необходимость при анализе процессов обмена в современном и традиционном обществе, в какой либо форме решить вопрос о сути социальной организации жизни людей в целом и рассмотреть роль и особенности мышления при взаимодействии людей. Интегрирующей идеей сочинения М.Годелье является задача сравнения особенностей обмена в контексте современного и традиционного общества, сравнения обществ с моралью «дара» и моралью «выгоды». Безусловно, что он занимает определённую позицию в длительной дискуссии, которая идёт в рамках экономической антропологии (а именно спор между маржиналистами, формалистами и субстантивистами). Но сам М.Годелье намеренно дистанцируется от указанной области исследований и даже стремится не использовать экономическую терминологию. Этим он желает подчеркнуть фундаментальность своей работы и её общетеоретическое (философское) значение. Он всё своё внимание обращает на решение конкретной «загадки дара», а не на обоснование какой либо позиции в дискуссиях в

экономической антропологии. Поэтому в процессе анализа конкретных форм встречных даров М.Годелье формулирует общий принцип подхода к решению вопросов, связанных с процессами обмена в обществе.

«Тени» великого труда М.Мосса.

.

Исходным положением для М.Годелье является то, что священные объекты нельзя было ни продать, ни подарить. Их следовало хранить. Осмыслив это обстоятельство, которое также получило подтверждение в последних работах антропологов, в том числе в исследованиях А. Вейнер, М. Годелье по иному, нежели М.Мосс и К.Леви-Строс подошел к загадке дара. У него акцент смещается на вещи, которые хранят. В соответствии с такой постановкой вопроса он выдвигает гипотезу, которая показалась ему очевидной: «Общество, идентичность не могут… служить фундаментом как индивидам, так и группам, которые составляют общество, если не существует фиксированных точек, реальностей, изъятых (временно, но жестко) из обменов дарами или из товарных обменов. Каковы эти реальности? Идет ли речь только о священных объектах, существующих во всех религиях? Нет ли общей связи между политической властью и чем-то, что называется священным, и нет ли этой связи даже в секуляризированных обществах, где власть идет не от богов, а от людей, которые обосновали ее, даровав себе конституцию? » (Годелье 2007: 9).

Именно, исходя из такой постановки проблемы, М. Годелье стремится дополнить и продолжить исследование М. Мосса и осуществить критический анализ теории обмена К. Леви-Строса. Он делает это как на основе иного взгляда на общество в целом, так и посредством привлечения новых этнографических данных о процессах дарения в традиционных культурах.

Что же, прежде всего не устраивает М. Годелье в концепции дара, предложенной М. Моссом? Это объяснение обязанности дарить, принимать дар и возвращать его некой силой, например «хау», или наличием души в вещах, которая стремится вернуться к тому, кто первоначально подарил. По мнению М. Годелье, у Мосса «хау», или душа вещи, и есть та сила, которая заставляет вещи циркулировать и возвращаться к своему владельцу. Таким образом, М.Мосс видит источник обмена в «духовных механизмах», приписывающих вещам душу или дух. М. Годелье тщательным образом разбирает текст речи мудреца маори Тамати Ранаипири в новом переводе и

показывает ошибочность интерпретации понятия «хау» М. Моссом (см. Годелье 2007:64-71).

Дискутируя и с Моссом, и с Леви-Стросом, М. Годелье неоднократно возвращается к своему основному тезису о том, что процессы обмена не исчерпывают всю полноту общественной жизни, так как существует много того, «что не дарят и не продают и что тоже составляет объект институтов и особых практик, являющихся неустранимой составляющей общества как целостности…» (Годелье 2007:87). В свете такой постановки вопроса одним из важных просчетов М. Мосса было то, что он оставил вне поля своего анализа священные объекты, или «четвертую обязанность» — дарить сверхъестественным существам. М. Мосс лишь один раз упомянул об этом четвертом измерении дара, но далее не развил этот аспект в своём «Очерке о даре», хотя этой темы он вместе с Юбером касался в работе «Очерк о природе и функции жертвоприношения» (1899). Правда, Мосс учитывает практику жертвоприношений богам при анализе потлача и распространенность даров духам мертвых, но все же данное взаимодействие так и не получило у него более широкого культурного и социологического контекста.

Критика структурализма К. Леви-Строса

.

В чем же суть кардинального расхождения М. Годелье с К. Леви-Стросом в вопросе о даре? Прежде всего, он не согласен «с расширением некоторых высказываний Мосса об обмене» «и предпочтением символического и заменой им воображаемого в объяснении социальных фактов. Это имеет своим следствием, — продолжает Годелье, — практически полное удаление теории священного, развитой Дюркгеймом и Моссом на рубеже XX века» (Он же 2007:28 .).

К. Леви-Строс не обращает внимания на «ясно проведенное Моссом различие между двумя сферами, которые делят между собой социальное: сферой обмениваемых, отчуждаемых вещей и сферой вещей, исключенных из обмена, неотчуждаемых…» (Он же 2007:27), принадлежащих различным типам социальных отношений и «различным моментам создания — воспроизводства общества» (Он же 2007:27). Для Леви-Строса понятия типа «хау» или «мана» — это функция «определенного положения духа», результат деятельности бессознательных структур. Каждый раз, находясь перед неизвестными вещами, дух начинает создавать означающее, которое не соответствует никакому означаемому и остается лишенным смысла. Поэтому понятие «мана» — это «символ в чистом состоянии, способный, следовательно, наполниться любым

символическим содержанием… просто нулевое символическое значение» (Цит. по Годелье 2007:31).

При этом надо иметь в виду, что, согласно Леви-Стросу, человек «с самого начала располагает всей полнотой означающего, которой он чрезмерно переполнен. Следовательно, в своем усилии по пониманию мира человек всегда располагает избытком значений, которые он распределяет между вещами согласно законам символического мышления, изучать которые надлежит этнологам и лингвистам» (Цит. по Годелье 2007: 32). Само происхождение человека, переход его к стадии овладения языком произошли внезапно, «совершился переход от стадии, где ничто не имеет смысла, к стадии, где все им обладает». А далее К. Леви-Строс, отмечая автономность языка, утверждает, что «символы являются более реальными, чем то, что они символизируют, означающее предшествует означаемому и определяет его» (Цит. по Годелье 2007:33).

М. Годелье критически относится к «символическому» происхождению общества путем большого взрыва и наглядно показывает противоречивость позиции великого структуралиста. Прежде всего, он демонстрирует невозможность вывести из бессознательных структур духа трансформации, происходившие с обществом (например, в осевое время — время появления основных религий и философских систем — VI–V вв. до н.э.). Кроме этого, французский антрополог доказывает нереальность внезапного появления членораздельной речи (типа большого взрыва или творения из ничего) и невозможности кем-либо обладать всей полнотой означающего (словари всех языков вместе?!). Резко критически М. Годелье относится и к доминированию символического над воображаемым, и к положению о том, что «символы более реальны, чем то, что они символизируют». И в довольно эмоциональной форме он оценивает вышеперечисленные положения вместе с парадоксальной идеей о том, что «мифы придумывают себя сами». «Из таких формул, — пишет Годелье, — создаются настоящие теоретические акты насилия, которые низвергают мышление в тупик…» (Годелье 2007: 37).

М. Годелье отмечает, что в основе его разногласий с К. Леви-Стросом лежит фундаментальная проблема о сущности мышления и его особенностях в различных культурах. Согласно Леви-Стросу, «мана» и другие аналогичные («туземные») понятия являются «бременем для любой законченной мысли», они ничего не говорят о мире, их можно даже выразить французским словом machin («этот, как его»). По мнению же Годелье, представления, аналогичные «хау», «мана», «оренда» и др., «которые не говорят ничего, ни истинного, ни ложного о мире, многое говорят о людях, которые ими мыслят» (Годелье 2007:31). Вообще К. Леви-Строс придерживался достаточно парадоксального взгляда на мифологическое мышление. Он вообще отказывает человеку в праве быть

активным и сознательным (осознающим) субъектом. Его доминанта — символическое, опирающееся на бессознательные структуры. «Мы претендуем, — пишет К. Леви-Строс, — не на то, чтобы показать, каким образом люди думают в мифах, а на то, каким образом мифы придумываются в людях без их ведома. И возможно… следует пойти дальше, абстрагируясь от всякого субъекта, чтобы считать, что определенным образом мифы придумывают друг друга» (Цит. по Годелье 2007: 37 Прим.)

М. Годелье настаивает на том, что мышление играет более активную роль и «создает социальное реальное, комбинируя две части самого себя, две разные способности, которые дополняют друг друга, но не совпадают друг с другом: способность представлять, воображать и способность символизировать, общаться с реальными и воображаемыми вещами» (Годелье 2007:35). Таким образом, предметом дискуссии оказываются не только особенности дарения в традиционном обществе и его интерпретация, но и проблема коммуникации в целом, вопрос происхождения языка, роль мышления в обществе, а также сущность социального функционирования и активная роль человека в нем. Последний аспект получил выражение у М. Годелье в виде тезиса о доминировании воображаемого в подчеркивании его конструктивной роли и значения в создании и воспроизводстве социальной целостности. К. Леви-Строс же отдает приоритет символическому (языку), понимаемому как порождение бессознательных структур.

Новые пути изучения «дара», предложенные М.Годелье (священные объекты и мифология обмена с божествами).

То, что. Мосс выделил значение священных объектов, но не сделал их предметом изучения и сравнительного анализа создало основание для иллюзии, что обмен составляет всю социальную жизнь. В определенном смысле он создал предпосылки для формулы Леви-Строса (общество — тройственный обмен людьми, имуществом и словами), в которой упомянутая иллюзия носит тотальный характер. Годелье, опираясь на труд Мосса, стремится открыть новые пути изучения дара и продолжить движение вперед в исследовании этой проблемы.

Перемещая вопрос несколько в иную плоскость, М. Годелье резюмирует при этом основные затруднения М. Мосса. «Мы считаем, что все вращается вокруг интерпретации природы ценных объектов, которые циркулируют в даре, и препятствие, возникшее перед Моссом, вызвано тем, что он не пытался сопоставить и осмыслить в одних теоретических рамках не циркулирующие священные объекты и циркулирующие ценные объекты» (Годелье 2007:93). Именно это взаимодействие двух типов объектов, а

также природу и происхождение священных объектов Годелье ставит в центр своего рассмотрения и делает главным предметом анализа, основываясь на собственных полевых исследованиях новогвинейского племени баруйя, а также на работах других антропологов.

В то же время он существенно раздвигает рамки исследования «дара», широко используя для этого мифологию (Мосс не использовал данный тип источников). Во второй части своего труда М. Годелье предпринял увлекательный анализ мифологии священных объектов и проблемы дарообмена между людьми и богами, так как «в мифах подтверждаются преемственность и идентичность… духовной сущности между богами или духами, бывшими первоначальными дарителями этого священного имущества, самим этим священным имуществом и людьми, которые владеют им сегодня…» (Он же 2007: 77). Здесь и история происхождения священных объектов племени баруйя (дар Солнца, Луны и духов), и интереснейший меланезийский миф об Афек, или «Старухе», а также специфический ритуал сжигания денег («адских» и «божественных») в Китае. Выясняя природу священного на конкретно этнографическом материале, Годелье предлагает разнообразные исторические версии взаимодействия людей и богов и варианты персонификации священного. Он выстраивает цепочку сравнений от меланезийской «старухи Афек» и тиморской молитвы до древнеегипетской мифологии, фараона как воплощения священного и христианства. Череду сравнений автор завершает размышлением о роли императора в японской культуре.

Еще одним аспектом в изучении дара в книге М. Годелье является использование результатов новых исследования роли процессов обмена на островах Тихого океана, где распространена «кула», явление, которое описал еще Б. Малиновский. Имеется в виду прежде всего работы А. Вейнер, которая весьма детально и в течение длительного времени изучала различные формы дара на Тробриандских островах, в первую очередь на острове Киривина. Особую роль здесь играет труд А.Вейнер «Неотчуждаемое владение : парадокс одновременного хранения и отдавания»(1992), поскольку он послужил одним их источников для формулировки тезиса Годелье о взаимоотношений священных и ценных объектов. Собственно идея А.Вейнер «хранить отдавая дар» очень близка к основному положению М.Годелье о значении неотчуждаемых священных объектах. Исследования А.Вейнер пополнили анализ кулы новыми терминами. Китум предмет сделанный для кулы, но который может быть предметом обмена.(за пять кутумов можно получить каноэ с балансиром, за один – несколько свиней). Кеда – дорога (маршрут) кулы.

М.Годелье достаточно убедительно показывает ещё при критическом разборе позиции К.Леви-Строса, что изучение «загадки дара» невозможно без уяснения того, что есть мышление и в чём состоит основная суть социальных механизмов, обеспечивающих

функционирования общества. На протяжении всей книги французский антрополог подчёркивает значимость исходной философской позиции, необходимость определённой социо-философской модели общества для успешного анализа процессов обмена в современном и традиционном обществе. В силу этого философский анализ социального есть неотъемлемая часть рассмотрения «загадки» М.Годелье.

Философская реконструкция социального как важнейшая задача исследования М. Годелье

В результате обобщения новых материалов (70–80х годов XX в.) М. Годелье подводит итог рассмотрению внутренних механизмов, приводящих в движение процессы обмена. Он показывает фундаментальную роль безличных, не зависящих от воли людей потребностей в процессах бесконечного воспроизводства социального, «которые воздействуют на индивидов, как на тех, кто принимает решения, так и на тех, кто подчиняется им … и это происходит вне зависимости от формы и степени индивидуального и/или коллективного осознания действующими лицами этих потребностей» (Годелье2007:128-129). Данная формулировка в различных вариациях используется М. Годелье во всей книге. Она призвана подчеркнуть специфичность его позиции в понимании процессов дарения в отличие от врожденных структур бессознательного у К. Леви-Строса и «туземной» теории М. Мосса. М. Годелье вообще уделяет особое внимание общефилософскому аспекту понимания функционирования общества, взаимоотношениям индивидов с материальными объектами и идеальной частью социальных отношений, состоящей из осознанных принципов функционирования социума, правил, которых следует придерживаться, стереотипов поведения и т.д. В контексте анализа дара М. Годелье дает оригинальное определение мышления как процесса, в котором «необходимо свести друг с другом различные аспекты реального, установить между ними отношения и обнаружить, изобрести, вообразить отношения между этими отношениями» (Годелье 2007:130).

В то же время М. Годелье подчеркивает, что идеальное как продукт мышления существует и за его пределами. «Оно активно присутствует во всех социальных явлениях, которые оно породило и которые его воплощают, т.е. материализуют и символизируют одновременно» (Годелье 2007:129). В этом плане особенно важна роль «священных объектов», которые «реализуют синтез реального и воображаемого, составляя социальное бытие, и вследствие этого обременены наиболее символической ценностью для членов общества, создавших их код, никогда не сводимый к чистым символам…» (Он

же.2007:168). Безусловно, значительную роль в закреплении символических ценностей играют религиозные верования. В то же время, по мнению М. Годелье, религия не дает особый статус вещи (например, неотчуждаемость), «но придаёт священный характер запрету на отчуждение» (Он же 2007:59) Продолжая размышления на эту тему, М. Годелье отмечает, что «религиозные верования не только составляют часть мира, но и частично создают этот мир…, заменяя реальных людей их воображаемыми двойниками, которые занимают их место и действуют вместо них» (Он же 2007:78).

Подводя итоги своих теоретических построений, М. Годелье по иному, нежели К. Леви-Строс и М. Мосс отвечает на вопрос об устройстве общества в целом и о функционировании процессов обмена в частности. Если первый упразднил «священное», то второй лишь выделил способ осмысления необходимости (обязанности) ответного дара в традиционном обществе в виде магической силы. М. Годелье создал многомерную картину процессов дарения, в которой органично сочетаются конкретно-этнографические данные, мифология и теоретическая объяснительная конструкция. В последней он объединил особенности персонифицированных социальных отношений с религиозной верой (верой в люди-вещи) и показал, что сочетание этих двух обстоятельств «создает общее преобразование реальности и мысленную инверсию реальных отношений, существующих на практике. Объекты превращаются в субъекты, субъекты — в объекты. Уже не только люди взаимодействуют друг с другом посредством вещей, отныне вещи и духи, которые их описывают, воздействуют друг на друга посредством людей» (Он же2007:132-133). Данная «мысленная инверсия» распространена во всех культурах в самых различных формах. В свете понимания человека как активного субъекта исторического процесса, непрерывно воспроизводящего культуру М.Годелье весьма критически относится к абсолютизации роли бессознательного символического и тотального обмена как основы общества, которые присутствуют в концепции дара К. Леви-Строса

Сравнение двух контекстов (социологического и антропологического) — сравнение двух типов обществ.

Предметом исследования и М. Мосса, и М. Годелье является также параллельное рассмотрение процессов обмена и дарения в традиционном и индустриальном обществах. М. Годелье начинает свой труд с постановки этого вопроса и считает его изучение одной из задач работы «Загадка дара». В процессе анализа различных типов обмена он стремится

показать общие социальные механизмы, лежащие в основе этих явлений, как в традиционном, так и в современном обществе.

Поиск «опорных точек культуры», неотчуждаемых ценностей, противостоящих либеральной идеологии, — одна из задач М. Годелье применительно к современному обществу, где «почти всё продаётся». Он показывает значимость ряда достижений европейской культуры и отмечает рост и новые формы безвозмездной помощи, существующей в индустриальном мире. Представленные в работе «неотчуждаемые ценности» мне хотелось бы дополнить ещё одним примером деятельности, не подчиняющейся «максимизации прибыли» и в чём-то сходной с ритуалами обмена в традиционном обществе. Речь идёт о бесплатном и в этом смысле бескорыстном размещении в Интернете продуктов интеллектуальной собственности их создателями. Этот процесс очень похож на «кулу», когда человек, создавший «китум», выводит его на «кеду» и стремится к тому, чтобы его ценный дар циркулировал как можно дольше. Автор научного (иногда и литературного) произведения получает удовлетворение оттого, что с «частицей его души» ознакомится как можно больше людей. (То же самое касается переводов на другие языки.) Самое главное здесь (конечно же, наряду с престижем, известностью) — положительное эмоционально-психологическое состояние от процесса дара. Вообще, ряд людей, независимо от их культурной принадлежности, получают удовлетворение и положительные эмоции от бескорыстного дарения, от осознания того факта, что им есть, что дать людям, особенно если это принесет им радость или пойдет на пользу. Именно наличие этого альтруистического начала есть одна из фундаментальных особенностей общества.

Безусловно, что все сказанное выше не означает призыв к установлению идеализированных патриархальных порядков в настоящее время. Здесь нельзя не согласиться с М. Годелье в том, что возврат в прошлое, да еще идеализированное, невозможен. Да, общество должно развиваться, но в этом движении, видимо, необходим определённый синтез традиционного и современного. При этом успешность функционирования общества зависит от того, насколько оно сможет освободиться от иллюзий, от «перевернутой» системы отношений. По мнению М. Годелье, важную роль в этом аспекте должны играть общественные науки. Они выполняют гуманистическую задачу «обнаружения за обычными ритуалами, законами, системами, которые изучают общественные науки, людей, которые стоят за ними, а также задачу объяснения, каким образом и почему каждый раз человечество узнает и не узнает себя в обычаях» (Годелье 2007: 242).

Самая же главная иллюзия современного общества — это «мысленная инверсия», воплощенная в положении, что все многообразие социальных отношений исчерпывается обменом и что обмен (торговля) — это и есть цель (и одновременно основное содержание) индустриального общества, да и общества вообще. Эта иллюзия поддерживается теорией К. Леви-Строса и проектами будущего Ж. Аттали, где элита или высший класс общества — торговцы, а вся культура сводится к «ценностям» консюмеризма (купи-продай). Благодаря тотальной индоктринации этого положения средствами массовой информации «мысленная инверсия» превращается в инверсию конструируемой реальности. Этой глобальной иллюзии также способствует широкое распространение мнения (тоже иллюзорного), что вся деятельность человека, в том числе интеллектуальная сводится к бинарным отношениям количественного характера (основа действий «сложной счётной машины» - компьютера) типа: + –, цепь замкнута–разомкнута, прибыль– убыток, баланс сделок купи-продай. Ситуация в настоящее время такова, что даже ведущие финансисты, например, Дж. Сорос, говорят о необходимости ограничения «рыночного фундаментализма» и тотальности «общества сделки». Да и сам М.Годелье отмечает с грустью, что современное общество «может себе представить новую солидарность лишь как предмет сделки в форме контракта.»(Он же 2007:256)

Развенчанию данной иллюзии во многом посвящена книга М. Годелье «Загадка дара». В настоящем исследовании автор блестяще выполнил функцию общественных наук — за структурами и процессами видеть человека. Одна из главных целей данного исследования — показать необходимость «неотчуждаемых объектов» в любом обществе. И автор доказывает это положение как теоретически, так и на богатом фактическом материале. Основываясь на результатах работы М. Годелье, можно утверждать, что процессами обмена не исчерпывается всё многообразие человеческих взаимоотношений, как в мире современной культуры, так и в традиционном обществе, что обмен есть лишь средство осуществления функционирования общества, а не его цель. В этом плане характерны заключительные строки труда М. Годелье, в которых утверждается, что все же «первая связь между людьми не является предметом сделки». Так «невозможно представить себе ребенка, который заключает контракт на рождение со своими родителями» (Он же2007:256)

* * *

Безусловно, что книга М.Годелье представляет собой фундаментальное исследование весьма актуальное для понимания и современного, и традиционного общества. Полезна она и для размышлений над проблемами современной России и её месте в мире. Вопросы, связанные с ролью дара и обмена занимают значительное место в

существовании человека в многообразном культурном окружении. Автор достаточно убедительно доказывает тезис о качественном своеобразии индустриально-товарной и традиционной культуры. Более того, он демонстрирует не сводимость всей полноты жизни в современном обществе к формуле «купи-продай», последовательно критикуя мифологию современного либерализма. Кроме отстаивания тезиса о качественном своеобразии различных типов культур, другой важной особенностью его труда является идея о невозможности решения конкретно-этнографических проблем без привлечения общей теории социального (культурного) и анализа исходных философских положений. Центральное место в реконструкции основополагающих социальных механизмов играет активность человека преопределённая объективными условиями его существования. Но сама трактовка сути социального оставляет впечатление незавершённости, требующее продолжений и дополнений. Особенно явно такая незавершённость проявляется в конце первой части работы, где М.Годелье анализирует особенности поведения и веры людей в персонифицированном и безличном обществе. Он не рассматривает подробно особенности современного общества в аспекте действующих социальных механизмов.(См.Годелье 2007:128-132) О необходимости дополнительного анализа роли дара в современном обществе автор отмечает и заключительном параграфе своей книге - «Возвращение дара и смещение загадки».

Эмоционально-психологический аспект дара

Некоторая скованность М.Годелье в общетеоретическом рассмотрении социального связана с предельно зауженным содержанием этого понятия. Социальное у Годелье – это родственные отношения (системы родства) и политическая власть. Правда, он добавляет к этому специфически родовое качество человека - необходимость создавать (воспроизводить) свою культуру. Но социальное (или культурное) это не только своеобразная форма организации людей. Оно предполагает и особый специфический способ деятельности человека, включающий не только действия с материальными объектами, но с идеально-предметными образованиями, в том числе с такими как дух, душа, мана, оренда и т.д., которые были первым шагом к освоению абстрактного мышления, и являются воображаемой реальностью, созданной человеком. Эта субъективная (или психологическая) реальность такая же равноправная часть мира людей, как и создаваемые им материальные объекты. (Миф в обществе не менее реален, чем всё остальное). При этом активность человека, как в образной, так и в интеллектуальной форме невозможна без воображения и других форм эмоционального освоения мира. Поэтому основное содержание социального (культурного) значительно шире, чем

система родства (регуляция сексуальных и репродуктивных аспектов общества) и политическая власть. В нём всегда присутствует эмоционально-чувственная составляющая, играющая значительную роль в функционировании субъективной реальности непрерывно воспроизводящейся человеком. Безусловно, что данная реальность носит надындивидуальный характер, но отличается от природной объективности. Собственно именно об этом писал Э.Дюркгейм , такую же позицию занимал В.Вундт (надындивидуальное сознание, психологическая реальность).Таким образом, вне индивида функционирует субъективная реальность(коллективные представления по Дюркгейму) в качестве объективных условий.

М.Годелье довольно подробно проанализировал роль коллективного вне-индивидуального (общества). Этим он противопоставил свою позицию точке зрения К.Леви-Строса, у которого источником всего многообразия общественных отношений является бессознательное. М.Годелье ещё раз доказал, что Бог это и есть общество, а общество есть Бог. Но практически не развил другой фундаментальный тезис Э. Дюркгейма, что бог общества – солидарность, ЧУВСТВО единства, идентичности, ПЕРЕЖИВАЕМОЕ в коллективных ритуалах, наряду с другими эмоционально-чувственными состояниями. Ввиду этого М.Годелье практически не рассматривает социально-психологических функций ритуалов, связанных с процессами дарообмена, хотя и отмечает наличие желания индивидов наладить личные связи солидарности, но не более того. В первую очередь речь идёт об осуществлении коммуникации, удовлетворении потребности в общении, психологическом подтверждении наличия Мы-единства (люди кулы). Именно этот аспект функционирования встречных даров получил отражение у Аннет Вейнер, проводившей длительные полевые исследования на Тробриандских остовах с 1971 по 1990 г.г.

Именно чувства людей в центре внимания творчества Аннет Вейнер. Особенно ярко психологическая составляющая проявилась в фильме «Жители Тробриандских островов» (Серия; «Исчезающий мир»)(Жители Тробриандских 1990) одним из авторов которого она является. В данном произведении А. Вейнер делает акцент на эмоциональных аспектах ритуала «сагали» (поминовение и траур по умершим). Она не отрицает значимости поддержания родственных связей как одной из функций данного обряда. Но наибольшее её внимание привлекает чувство поддержки и солидарности, проявляемое в процессе сагали. В качестве доминирующей черты жизни тробриандцев А. Вейнер выделяет положение о том, что здесь «давать важнее, чем брать». На первый план , согласно её мнению, в сагали выходит психологическая компенсация – «Чем больше раздаришь, тем больше противостоишь смерти».»За твою щедрость люди тебя поддержат»

- это слова «хозяйки» сагали.(Жители Тробриандских осторовов 1990) Таким образом данная церемония призвана подчеркнуть единство людей их солидарность с родственниками умершего. Хозяйка сагали , теряя богатство , получает всеобщее уважение и внимания. (В каком-то смысле церемония, посвящённая смерти, превращается в праздник жизни.) Таким образом, чтобы быть сильным и противостоять превратностям судьбы необходимо раздарить своё богатство (в данном ритуале циркулируют гирлянды банановых листьев, обработанные особым образом (местные деньги) и праздничные юбки).

Когда смотришь фильм А.Вейнер, то невольно вспоминаешь гипотезу Э.Дюркгейма о значении массовых ритуалов в формировании основы социальной жизни – чувства солидарности. Фундаментальная функциональная значимость чередования более «рассеянного» и более «насыщенного» (массового) образа жизни впервые высказанная Э.Дюркгеймом получила подтверждение в работе М.Мосса о гренландских эскимосах.(См. Mause 1906) При этом необходимо учитывать, что в фазе «концентрации» происходит интенсивный обмен эмоционально-психологическими состояниями, усиливается чувство солидарности, единство общности. Самое интересное, что данная идея Э.Дюркгейма получила развитие и подтверждение в науке 70-90 г.г. XX в. В современной психологической антропологии и этологии человека выделяются культурно-обусловленный механизм регуляции общения и уединения (Privacy regulation), обнаруженный в большинстве ныне существующих культур.. Он предполагает регуляцию интенсивности и открытости/закрытости к общению и наличие культурных форм обеспечивающих чередование массового общения с возможностью избирательного общения вплоть до полного уединения. В процессе изучения культурно-обусловленных форм регуляции общения / уединения была обнаружена потребность в толпе (массовых мероприятиях и повседневном восприятии массы народа) у жителей больших городов. Она была обозначена термином “ crowding”.

Огромное значение для подтверждения положений Э.Дюркгейма играет явление, получившее название «привязанности», образование уз солидарности (attachment), которое осуществляется в детстве и состоит в формировании аффективных связей на основе эмоционального общения (что может быть более искренним и бескорыстным даром, чем улыбка ребёнка, «комплекс оживления» при виде взрослых). Весьма существенно при этом, что «привязанность» связана со сложной системой психобиологической регуляции (синхронизацией) организма индивида, которая возможна лишь в коллективе, в общности, хотя бы и небольшой. Поэтому более точное название данному явлению «социальная привязанность». Таким образом, практически у всех форм

обмена – дарения, в том числе и тех, что являются предметом изучения и М.Мосса, и у М.Годелье есть ещё и психологическое или даже психобиологическое назначение. Любой обмен дарами выполняет также и коммуникативную функцию не менее важную, чем все остальные. В то же время большинство церемоний дарения и обмена имеют весьма существенный эмоционально-аффективный аспект, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне и предполагают сложную систему эмоциональных трансформаций его участников.

Несколько слов в защиту М.Мосса

В связи с существенной ролью эмоционально-психологической составляющей в процессах дарения и обмена возможен несколько иной, нежели у М.Годелье взгляд на концепцию М.Мосса. В «Очерке о даре» М. Мосс представил видение процессов обмена изнутри традиционной культуры, тем самым, реконструируя точку зрения туземца. Вполне возможно, что он был не точен в деталях, в некоторых описаниях (как, например, пользовался неправильным переводом текстов маорийского мудреца и не всегда адекватно воспроизводил церемонии обмена), но он стремился выразить доминирующую роль магии в сознании и осознании окружающего мира в архаических культурах.

А магия, так же как анимистическое (точнее, аниматическое) видение мира предполагает превращение вещей, различных элементов традиционной культуры (например, пищи) в одухотворённые «существа», которые и с которыми индивид осуществляет различные формы коммуникации. Но тем самым человек становится как бы равным вещи, «одухотворённые вещи», циркулируя между индивидами, как бы передают частицу души одного человека другому. Таким образом, осуществляется коммуникация между людьми, обеспечивая их единство и идентичность («люди кулы» у Б. Малиновского). Участникам этого действия передаётся определённое эмоциональное состояние. Например, создатель объектов кулы, будь-то браслеты или ожерелья, гордится и наслаждается своим творением. Участник кулы также испытывает положительные эмоции, созерцая ценные предметы. Вообще, передача «частицы души» может трактоваться как «психологическое заражение» эмоциональными состояниями.

М. Мосс неоднократно подчёркивает психо-эмоциональный аспект церемонии обмена. Рассматривая один из обрядов обмена подарками в Австралии, он показывает его эквивалентность эмоциональным переживаниям «и как в нём замешаны и чувства, и люди».(Мосс1996:113) Особое эмоциональное возбуждение охватывает участников и соучастников (зрителей) обряда потлач. Независимо от конкретной формы церемониального

обмена, его суть везде одна. «Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают уважение» - мы говорим «знаки внимания»». (Мосс1996:168) Таким образом, церемонии обмена являются способом передачи человеческих чувств, можно даже сказать сочувствия и солидарности людей друг с другом. По мнению М. Мосса, в архаических обществах традиционные формы нетоварного обмена служат поддержанию чести и достоинства людей (вспомним примеры и Б. Малиновского тоже), и в то же время объединяют людей.

Я не думаю, что при объяснении феноменов дара и обмена, М. Мосс использовал только туземную теорию (как это утверждает без оговорок К.Леви-Строс). Тут явно видна идея Э. Дюркгейма о солидарности и проблема «отчуждения», до сих не решенная однозначно и касающаяся и индустриальных, и традиционных обществ. М. Мосс стремился понять смысл обряда обменов и анализировал их изнутри. Это один из возможных путей познания. При этом он пытался показать, чего не хватает западному обществу по сравнению с архаическими культурами, для того, чтобы стать более гуманистическим. Эта необходимость большей чувственности, меньшей деиндивидуализации и большего внимания к конкретному человеку. М. Мосс протестует против «жестокости, абстрактности и бесчеловечности» современной ему системы права, пропитанной «римско-саксонской бесчувственностью». Для него нормой было торжество «чести, бескорыстия, корпоративной солидарности», «радость отдавать публично». (Он же 1996:203,206)

Он хотел вернуть душу бездушному миру. А для этого необходимо вернуться к «неизменной основе права», к «самому принципу нормальной социальной жизни». Что означают эти принципы для поведения отдельного человека? Он не должен быть слишком добрым или сверх щедрым. «Ему необходимо чувствовать самого себя, но чувствовать также и других, и социальную реальность. <…> Ему необходимо действовать с учетом самого себя, подгрупп и общества в целом». (Он же 1996:207) Когда М. Мосс говорит о возвращении (в определенной степени) к архаическим истокам, то он имеет в виду не руссоистское «назад к природе», и не возвращение к дотехнологическим стадиям развития. Он лишь выступает против маржиналистского образа человека, хомо экономикуса. «Очень долго человек был иным, - пишет М. Мосс, - и лишь совсем с недавних пор он начинает становиться машиной, усложненной счетной машиной». (Он же 1996:215)

Дар и современность

Очень важны данные положения М.Мосса в контексте сравнения традиционного и индустриального общества, которым завершает своё повествование М.Годелье. Последний, к

сожалению, не включил в важнейшие неотчуждаемые ценности эмоции, чувства человека и чувство солидарности людей в особенности, хотя и отстаивает точку зрения о необходимости существования ценностей вне процесса купли-продажи. Ещё одним моментом, противостоящим морали выгоды-прибыли является богатство творческих способностей личностей во всём индивидуальном и культурном многообразии. В данном аспекте очень важен вопрос о ценностях в различные эпохи и в различных типах культур, которым в настоящее время противостоят «ценности рынка» (или либеральные ценности), которые намеренно смешивают с гуманистическими ценностями, о которых писал М.Мосс. Ценности рынка обеспечивают свободу капитала, но не свободу человека. Более того, тотальная идеология обмена (торговли) приводит к нравственной деградации личности. Этот вопрос был в 60-70 г.г. XX в. в центре внимания группы исследователей антропологов в области экономической антропологии, возглавлявших направление *субстантиизм.*. Н.А.Бутинов резюмируя их точку зрения на процесс изменения системы ценностей, отмечал, что «свобода низводится к свободе предпринимательства, равенство – к возможности всех заключать сделки, справедливость – к защите частной собственности, разумность к тому, что прибыльно». (Бутинов1979:79).

Проблемы, которые были дискуссионными в 70 г.г. XX в. не утратили своей актуальности в первое десятилетие XX1 в. Вопрос о возможности описания маржиналистской теорией не только всех возможных экономик, но и всего многообразия человеческое деятельности вновь на повестке дня. Сейчас он принял форму обсуждения качества процесса глобализации – однообразная она или разнообразная. Ввиду этого вновь стали актуальны вопросы экономической антропологии и эта область культурной (социальной) антропологии успешно развивается в XX1 в. Культурные традиции в экономической активности различных народов , особенности мотиваций к деятельности, этно-религиозные установки – всё это становится существенным фактором функционирования обществ в эпоху массовых миграций, которые постепенно охватывают весь мир. Выделение «опорных точек» неотчуждаемых ценностей о которых писал М.Годелье становится необходимым условием существования человечества. Значительное место этому же вопросу посвящено в фундаментальном исследовании российского учёного А.А.Сусоколова, который настаивает на выведении трёх реальностей с рынка. «Это законодательство, человеческая жизнь и ключевые ресурсы, обеспечивающие выживание человечества как вида и данного конкретного общества».(Сусоколов 2006: 412) В эпоху сложных трансформаций мировой экономической системы, в которую мы вступаем огромное значение будет иметь сбалансированное соотношение современного и традиционного, гармонизация принципа выгоды(прибыли) и

«священных предметов», неотчуждаемых ценностей, нахождение форм противодействия тотального распространения «рыночного фундаментализма».

Литература.

Бутинов 1979 – Бутинов Н.А. Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм) // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979.

Годелье 2007 - Годелье М. Загадка дара. М., 2007.

Мосс 1996 - Мосс М. Общества.Обмен. Личность. М., 1996.

Сусоколов 2007 – Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. М., 2006.

«Жители Тробриандских островов. Папуа.Новая Гвинея»// Granada Television 1990.

Mauss M. Avec le collab de Beuchat H. Essai sur les variations saisonnieres des societes Eskimos// L’ Anne sociologique. Vol.8 (1904-1905). 1906 9